

ОТ РЕДАКТОРОВ

Рубрика «Личность — биография — сообщество», открывающая этот номер журнала, посвящена исследованиям слабо-структурированных сообществ, будь то патронажные системы XVI—XVIII вв., кружки советских сионистов 1960-х годов или женские научные династии XX в. За исключением последнего случая, связанного с прямым сбором информации (анкетированием, интервью), речь идет о реконструкции социальных связей по их текстуальным следам. Так, в статье **А. Ю. Серегиной** рассматриваются «новостные письма» — своеобразные информационные каналы, с помощью которых члены клиентелы графини Шрусбери передавали ей нужные сведения, тем самым поддерживая живую связь с патроном. Эти письма дают представление о том, в какой информационной среде существовали их авторы, какими источниками они пользовались и т. д. Проблема клиентелы затрагивается и в статье **А. Л. Лифшица**, который, отталкиваясь от любительского стихотворения, написанного по случаю 15-летия свадьбы генерал-прокурора А. А. Вяземского, восстанавливает биографию его подчиненного Ивана Ивановича Шильта, доморощенного поэта и нечаянного литературного критика. **Г. С. Зеленина**, напротив, анализирует ситуацию неуспешной коммуникации между воображаемым «патроном» — еврейским государством — и советским сионистом С. Б. Дольником, распространителем и производителем самиздата. Последовательно отмежевываясь от всех, кто казался ему недостаточно преданным идее, он пытался компенсировать свою недооцененность сочинением идеологически выдержанной автобиографии. Наконец, **Н. Л. Пушкарева** задается вопросом, почему внутри академического сообщества практически нет женских династий. Занятия наукой редко выходят за пределы двух поколений, не формируя устойчивой социальной идентичности, во многом из-за двойной препоны: малого престижа профессии и де факто более низкого статуса женщин-ученых по сравнению с их коллегами-мужчинами.

Вторая рубрика объединила статьи, авторы которых сосредоточили внимание на искусстве в новом идейном пространстве. Как эволюционируют художественные стратегии в зависимости от изменений социальной ситуации, появления новых технологий и вообще от вызовов времени? Отвечая на этот вопрос, авторы статей, вошедших в рубрику, обращаются к обширному материалу XX — начала XXI в., от кинематографа и карикатуры до перформанса и дизайна. Статья **М. В. Воробьевой** и **Е. С. Кочуховой** посвящена тому, как менялось отражение в игровом кино 1920—1930-х годов садов и парков — от декоративного фона к пространству воспитания и вновь к деполитизированному пространству частной жизни. В следующих двух статьях рассматриваются социальные аспекты практик перформанса. **Т. К. Аллахвердиев** и **О. Н. Сыч** на западноевропейском материале последней трети XX в. и российском материале 2010-х годов выявляют три формы взаимодействия представителей радикально-

го искусства с институциями (прежде всего культурными): статичную, маневрирующую и аллергическую. **В. А. Замыслова**, обращаясь к концепции публичной сферы Ю. Хабермаса, демонстрирует, как изменялись художественные стратегии отечественных акционистов применительно к использованию пространства и набору зрителей: от советских «тихих» перформансов, которые не предполагали случайной публики, до «громких» эпатажных акций 1990-х, проводившихся в самом центре города. **О. В. Дьяченко** рассматривает обусловленные экологическими задачами новейшие биоинтегрированные дизайнерские практики, предполагающие не имитацию природных форм и не просто использование в творчестве органических материалов, но задействование в работе живых материалов (грибов, бактерий, растений и т. д.) и биологических процессов (рост и др.), что может пониматься буквально как сотрудничество с природой и ее нечеловеческими акторами. Тема дизайна в более привычных читателю аспектах продолжена в статье **А. Ю. Прониной**. Ее автор, отталкиваясь от концепции А. Руйе, предполагающей четыре функции фотографии (документ, выражение, инструмент и материал), применяет эту концепцию к фотографии, или фотографии в дизайне, на примере обложек музыкальных альбомов последней трети XX — первых десятилетий XXI в., демонстрируя, как задействуются те или иные функции в зависимости от художественных задач, дизайнерских концепций и возможностей, предоставляемых техническими средствами. Наконец, статья **А. А. Плеханова**, возвращающая нас к периоду 1920–1930-х годов, посвящена генезису популярного в эти годы персонажа советских комиксов Евлампия Надькина. Как показано в статье, образ этого героя комических приключений, болтуна и отчасти трикстера эволюционировал из поэта-графомана, под псевдонимом (*Телеграфист*) *Надькин* присылавшего наивные стихи в дореволюционный журнал «Сатирикон» и с легкой руки А. Т. Аверченко ставшего своего рода мемом в среде журналистов Петербурга — Ленинграда.

Рубрика, завершающая раздел «Статьи», посвящена исследованиям советской архитектуры 1930–1950-х годов и дает широкий взгляд на весь спектр актуальных сегодня архитектуроведческих практик. В фокусе внимания авторов в первую очередь оказываются не архитектурные процессы, происходившие в СССР, а сама наука об архитектуре, ее состояние, тенденции последних лет и возможные перспективы.

Чрезвычайно обширный корпус публикаций 2010–2020-х годов, посвященных советской архитектуре сталинского времени и ее главным представителям, побуждает исследователей задаться вопросом, что же «отличает эту волну интереса от предыдущих — будь то первые опыты реабилитации и изучения советского конструктивизма, предпринятые С. О. Хан-Магомедовым, В. Э. Хазановой и их коллегами, или работы в перспективе истории “тоталитарной архитектуры” — идеалом и наиболее влиятельным образцом которых стала “Культура Два” Владимира Паперного? Предлагают ли новые исследования фундаментальную ревизию истории советской архитектуры — или речь идет об “экстенсивном

развитии”, об углублении, о постепенном и планомерном накоплении знаний с опорой на новые архивы?» (с. 265). Основываясь на наиболее значимых трудах последних лет, авторы рубрики «“Сталинская архитектура”: ревизионистский поворот» обсуждают такие важные проблемы, как эвристический потенциал применения к советскому историко-архитектурному дискурсу постколониальной теории; традиционные и инновационные подходы, которые обещают наибольшее приращение знания, а также саму возможность универсальной исследовательской парадигмы в современной науке.

Так, статья **Е. В. Конышевой** сосредоточена на анализе современных трендов в изучении истории советской архитектуры 1930–1950-х годов. Обладая собственным многолетним опытом в этой научной сфере, автор систематизирует наиболее перспективные исследовательские стратегии и рассматривает причины происходящих на наших глазах поисков новой методологии. Аргументированный подход, основанный на знании существенного корпуса работ, позволяет Конышевой продемонстрировать ощутимый в настоящее время процесс смещения исследовательской оптики с архитектурно-градостроительных объектов на процессы и контексты и в целом говорить о ревизии знания о творцах советской архитектуры. Автор отмечает, что на первый план современных исследований выходят формы и механизмы государственного регулирования архитектурного творчества, взаимоотношения власти и профессионального сообщества, а также международные коммуникации советской архитектуры в 1930–1940-е годы.

Статья **И. Е. Печёнкина** призвана восполнить одну из существенных лакун в авторефлексии отечественной архитектурной науки и рассматривает проблемы изучения архитектуры сталинских десятилетий на протяжении всей первой четверти XXI в. Автор обозначает основные, в том числе непреодоленные трудности этого исследовательского поля, выделяя среди них терминологические и идеологические аспекты, а также желание вписаться в определенную исследовательскую конъюнктуру. Он выявляет и показывает постепенный переход от политически ангажированных исследовательских концепций к овладению более тонким и дифференцированным инструментарием, позволяющим отказаться от макроисторического подхода в пользу более частных по своей проблематике исследований. Чрезвычайно важными оказываются здесь и поиски вполне серьезной теоретической подоплеки у доктрины «освоения классики», которая долгое время рассматривалась лишь как реакция на властный «заказ», и продолжение полемики о советском ар-деко, и идея двух лиц советской архитектуры — для внутреннего и внешнего потребителя (всемирные выставки), и разговор об отдельных персоналиях.

К отмеченному обоими авторами серьезному направлению архивных исследований принадлежит продолжающая рубрику статья **В. Г. Басса**. Она впервые вводит в научный оборот большой корпус архивных материалов, связанных с подготовкой «Краткого курса истории советской ар-

хитектуры» в 1940—1950-е годы. Причем автор не ограничивается публикацией неизвестных ранее документальных источников, а на основе их анализа реконструирует во многом противоречивую картину внутрицехового взаимодействия представителей московского и ленинградского отделения Академии архитектуры. Рассматривая расхождения московского и ленинградского взглядов и подходов и возникшую ситуацию соперничества авторов, В. Г. Басс выделяет главные пункты преткновения — отношение к наследию конструктивизма, профессиональной преемственности и принципу ансамблевости. На материале локального конфликта, возникшего между московскими и ленинградскими архитекторами в процессе работы над учебником, заказанным «сверху», он выявляет приметы более глубокого антагонизма между московской и ленинградской архитектурными школами.

Проблематику архитектурной рубрики продолжают рецензии на книгу Н. Ю. Молока о Давиде Аркине, написанная **В. Г. Бассом**, и размещенная в соответствующем разделе серия небольших интервью с ведущими специалистами по истории советской архитектуры. В них авторы ряда влиятельных книг и статей последних лет, кураторы выставок, создатели университетских курсов и научно-популярных проектов подхватывают начатое в статьях обсуждение перспектив и актуального инструментария в исследованиях советской архитектуры первой половины XX в., рассуждают о продуктивности идеологической рамки и методологии, связывающей архитектурные процессы с запросами власти, о влиянии институциональной теории и проблематики центра/периферии, о приоритетах микроисторического подхода и о месте советской архитектуры в общемировом художественном процессе.

В разделе «Публикации источников» представлены эго-документы XVII и начала XX в. **В. В. Шишкин** публикует три письма, подписанные королевой Франции Анной Австрийской, извлеченные из российских архивов, предваряя их предисловием, сообщающим о существующих публикациях писем королевы, раскрывающим содержание этих текстов и комментирующим обстоятельства, в которых они были созданы. Иным образом устроен текст **А. В. Геворкяна** и **М. В. Строганова**: отрывки из черновиков В. Г. Короленко, свидетельствующие об отношении писателя к Иоанну Кронштадтскому, обрамляются обширным комментарием, в котором приводятся цитаты из дневников и публицистика Короленко, а также фрагменты творчества самого кронштадтского протоиерея, его сторонников и противников: это позволяет поместить частные суждения писателя о священнике в широкий исторический контекст и наряду с этим реконструировать саму ситуацию творческой работы Короленко.

Раздел «Рецензии», кроме упомянутого выше текста о Давиде Аркине, содержит также рецензии на три англоязычных издания: книгу Хермана Пола об относящихся к разным эпохам концепциях «научной добродетели» (**А. А. Плешков**), книгу Дж. А. Уолклейт о темпоральности музея (**В. К. Карнаух**) и сборник статей, посвященных образу Медеи в европейском искусстве Нового времени (**М. С. Неклюдова**).